

так же как и известиями об Александре Поповиче, заполнены пустые годы княжения Владимира предшествующего летописания. Под 6508 (1000) г. сообщается о смерти богатыря Рагдая Удалого: „того же лета преставися Рагдай Удалой, яко наезжаше сей на триста воин, и плакася о нем Володимер, и погребе его с отцем своим митрополитом Леонтом“.

Под 1004 г. Никоновская летопись сообщила об отравлении Андриха Добрянкова храброго: „Того же лета Андриха Добрянкова храброго отравою смертною окормиша свои слуги“. Под 1008 г. опять-таки на основании каких-то фольклорных источников включен рассказ о поимке некоею „хитростью“ „славного разбойника, нарицаемого Могута“, отдаленно напоминающего Соловья-разбойника. Приведенный ко двору Владимира, этот Могута встал перед Владимиром, „въскрича зело, и многы слезы испущая из очию“, закаялся не заниматься разбоем. Свое обещание Могут свято затем хранил, вел примерный образ жизни в доме митрополита и, провидев свою смерть подобно святым, умер в раскаянии.

Изображение самого Владимира также подвергнуто в Никоновской летописи основательному пересмотру с точки зрения фольклорных данных. Четырежды рассказывается в ней о пирах Владимира, тогда как в предшествующем летописании о них упоминалось всего однажды.

Нельзя, однако, считать, что все внесенные в Никоновскую летопись сведения о богатырях безусловно обязаны своим происхождением русскому эпосу. Кое в чем мы должны предположить и участие фантазии самого составителя Никоновской летописи. Так, например, не поняв под 1002 г. известия о смерти матери Владимира I Святославича — Мальфреды и приняв ее имя за мужское, составитель Никоновской летописи исказил сообщение предшествующей летописи, превратив Мальфреду в богатыря: „преставися Мальвред сильный“. Однако эта ошибка составителя Никоновской летописи характерна. Очевидно в середине XVI в. время Владимира в достаточной мере определилось как время богатырства киевского, и летописец испытывал серьезное желание дать этому соответствующее отражение в летописи, заполнив сведениями о богатырях пустые годы княжения Владимира и видя богатырей в неразъясненных в летописи именах владимирова времени. Такие же прибавления „храбрый“, „сильный“, „богатырь“¹ к историческим именам можно встретить в Никоновской летописи во многих известиях последующих лет.

Когда могли проникнуть в летопись эти фольклорные данные о богатырях Владимира? Все ли они внесены в летопись составителем Никоновской летописи или кем-либо из его предшественников? Судя по отсутствию данных об этих богатырях в таких летописях, как Воскресенская, московский княжеский свод 1479 г., и наличию некоторых из них в Сте-

¹ О сравнительно позднем употреблении слова „богатырь“ см.: Н. Дашкевич, Былины о Алеше Поповиче и о кончине богатырей. Киевск. унив. известия, 1883, № 3, стр. 168 и 169.